

Послѣ побѣды.

(На полях битвы под Варшавой).

III.

В течение двухъ недель центральная часть Варшавской губернии была театромъ военныхъ дѣйствій. Въ мѣстоцахъ и деревняхъ то стояли русскіе полки, то хозяйничали нѣмцы, то приходили тяжелые и упорные бои. У всѣхъ поляковъ при мысли объ этомъ сжималось сердце; передъ ними вставала мысль: что же стаяло съ этихъ богатыми краями, гдѣ люди привыкли жить въ довольствѣ, а иногда и въ роскоши?

Первые дни наступления нѣмцевъ вызвали самыя горестныя ожиданія. Бѣглецы являлись въ Варшаву тысячами. Заставы были запрещены телеграммы и фурами, набитыми всякими домашними скотомъ и людьми, незнакомыми, куда имъ дѣваться. Многие здѣсь же, въ варшавскихъ предѣлахъ, — на Возѣ, напримеръ, — располагались станомъ и на всѣ вопросы, что они намѣрены дѣлать, бессмысленно отбѣгали, что останутся здѣсь, что имъ идти некуда. Плакали женщины, ревели дѣти; мужички угрюмо стояли у своихъ телегъ, дойдя до того состоянія отчаянія, когда уже оруки не поднимаются, чтобы что-нибудь сдѣлать.

Городъ принялъ дѣятельное участие въ бѣженствѣ, распредѣляя ихъ, сколько могъ, по разнымъ учрежденіямъ, возникшимъ за послѣдніе мѣсяцы въ Варшавѣ, даль бездомныхъ крошекъ, кормить голодныхъ. На погребеніи Варшавы уже были тысячи бѣглецовъ, уходившихъ раньше изъ болѣе отдаленныхъ мѣстностей, начиная съ Калиша.

Первые дни боевъ еще болѣе ухудшили общее настроеніе. По вечерамъ на горизонтѣ, въ разныхъ мѣстахъ, отчетливо выступали зарева. Всѣ знали, что это горитъ города, деревни и отдѣльныя усадьбы. Постепенно приходили вѣсти о разгромѣ того или другого мѣстечка. Грохотъ непрерывной канонады заставлялъ думать, что все дожащенное нѣмцами будетъ разрушено артиллерійскими орудіями.

Сами варшавяне споспѣи бѣду бороться, чѣмъ можно было окупать. Третья часть въ городѣ быстро улетѣла и никогда не доходила до панни. Не выжидали особаго волненія даже поодиножники, которые, въ эти грозныя дни, внезапно появлялись въ толпѣ, начинали шопотомъ сообщать, какъ очевидцы, будто передовые нѣ-

мецкіе отряды подошли къ такой-то заставѣ или уже вступили въ такое-то предѣлье. Несмотря на выходы изъ города правительственныхъ учрежденій и другіе вѣдѣніе признаки населеніе продолжало вѣрить, что русская армія оборонитъ его отъ нѣмецкаго нашествія.

Труднее было положеніе бѣженцевъ, которые своими глазами видѣли пожаръ родныхъ домовъ и, следовательно, гибель всего своего достоянія. Сначала въ рядахъ этихъ заложничихъ поминутно слышались рыданія. Но вслѣдъ за ними они обращались съ жалобами на свою судьбу. Потомъ наступило тупое отчужденіе. Въ Швейцарской долинкѣ, въ цѣркви, въ городскихъ святилахъ, отведенныхъ имъ подъ жилье, бѣженцы цѣлыми часами сидѣли неподвижно, не общиваясь между собой ни словами. По вечерамъ холодное отчаяніе влекло ихъ за заставу, гдѣ они угрюмо взирали взоръ въ зарева пожарныхъ и въ огоньки далекихъ шрапнелей, и въ раздиравшихъ небо, съ душой о своихъ разрушенныхъ жилищахъ.

Нельзя вспоминать слезы класической древности. Такъ, вѣроятно, воскалывались въ шлоахъ нево жителя Аттики, собранные Перикломъ въ Афинахъ, когда Агесилай, вторгнувшись въ ихъ землю, предать огню и мечу окрестныя деревни, виноградники и насажденные рощи... Такъ же озирали съ ужасомъ даль бѣженцы изъ Кампаньи, протискиваясь въ Римъ, когда Гамбальда, достигнувъ къ Виченному городу, жегъ все кругомъ. Какъ вѣрно передавъ эту картину въ одной терциѣ сонета Ж.-М. Эредиа:

Сомы женщины и дѣтей сплести,
мама руки,
На зарево глядѣть и плакать въ тишинѣ...

Послѣднее, когда нѣмцы начали отступать, пришли болѣе угнетенныя извѣстія. Говорили, что на этотъ разъ нѣмцы оказали милосердіе, чѣмъ обыкновенно. Они не поджигали городовъ преднамренно, какъ въ Бельгій, и не посарались на скудное имущество жителей мѣстечекъ въ родѣ Прушковы, Гройсы, Писечной... Кроме того, арбы раньше нѣмцевъ въ Варшавской губернии было самымъ непродолжительнымъ, что бы они могли причинить краю серьезный вредъ. Не было вреденъ притуплять, какъ, напр., въ Домбровѣ, къ систематической эксплуатациіи мѣстныхъ естественныхъ богатствъ или, какъ въ Суваляхъ и многихъ другихъ городахъ, вывести за границу все наиболѣе цѣнное на подводахъ. Лучъ надежды дѣлался въ думашъ бѣженцевъ. Весеннее солнце же, выходя на осмотру полей поджигалъ битвы, имъ съ тревогой ожидали, что встрѣнятся картины такого же страшно опустошенія, какое видѣли

на югѣ Люблинской губернии и въ пограничныхъ районахъ Галиціи.

По счастью, наши описанія оказались преувеличенными. Само собой разумѣется, что проходы неприятеля и многодневныя артиллерійскія бои оставили на край глубокую слѣду. Но и по крайней мѣрѣ ожидаютъ опустошенія сорадо болѣе жестокаго и, какъ ни тяжело сейчасъ положеніе мѣстнаго населенія, думаю, что оно должно благодарить Бога и русскую армію, спасшихъ ихъ отъ полного разоренія.

Сильно пострадали поля. Они всѣ перерваны окопами, которые достигаютъ мѣстами глубины 2½ аршинъ. Не легко будетъ забивать отъ раны плугомъ и борошей. Заблѣныя пашни и засеянные огорода потонуты. Подъ Варшавой — сотни десятковъ, залитыхъ лартофелемъ, рѣпой, свекловичемъ, капустой. По нимъ не разъ и не два пропали овцы и выверды русскія и нѣмецкія лошади и просажали батальоны кавалеріи. Капустные кочаны, оторванные отъ своихъ корней, катаются теперь по полямъ какъ отрубленные головы.

Вырванныя рѣвы свалены на окопахъ глинистыми кучами. Картофельныя поля подъ копчатями лошадей превратились въ каніи-то мнимо для верховой вѣды.

И все-же даже на поляхъ много уцѣлѣло. То тамъ, то здѣсь, видны пашни или гряды, сохранныею частью случаемъ. Уже бабы и мужички бродятъ по своимъ клочкамъ земли и подбираютъ все, что можетъ быть использовано, подправляютъ несоманные кочаны, откладываютъ въ сторону испорченные овощи, копаютъ оставшіяся картофелины. Я видѣлъ мужика, заново бронованнаго свое поле. Несомненно, будущій годъ скажется въ польской деревнѣ тяжкимъ недостаткомъ во всемъ, но при своевременной помощи дѣло еще можно поправить, — земля не опустошена такъ, чтобы являлся обрѣзая ее живую.

Непоправима, конечно, ужасъ убитыхъ деревень. Тысячами алжен обратились въ голыя корки, по которымъ лѣтѣмъ будутъ носиться тучи пыли. Надо будетъ сажать деревья вновь и ждать долгие годы, пока опять встанутъ вдоль пробѣлкахъ путей разветвистые вязы и привѣтливый ветлы. Но и по дорожникамъ аллеямъ военная гроза прошла какъ-то стороной. Многие, и притомъ лучшія, сохранились въ цѣлости, — напримеръ, шоссе отъ Варшавы къ Прушкову, часть — по пути на Гройсы, и т. д. Живы въ громадномъ большинствѣ уцѣлѣли (вырубать ихъ было бы самымъ продолжительной работой) и только изъ-за вѣтры сараями. Весеннее солнце и весенніе дожди, лѣтній зной и лѣтній грозы заливаетъ раны гонимыхъ вѣтхонь, и на расчищаемомъ просторѣ живые вѣдутъ вымы молодыя по-

росли.

Въ деревняхъ, близъ которыхъ происходилъ артиллерійскій бой, обычно повреждено, судя на глазъ, около трети или четверти домовъ. Недалеко отъ деревни калуга дожаженными войной и возомъ не производятъ того впечатлѣнія сложнаго пожара, какъ явилъ себѣ входя въ самую деревню, различены слѣды жестокаго разгрома отдѣльныхъ строеній. Сараями словно выбирала свою жертву: въ нѣкоторыхъ домахъ ихъ ударомъ нѣсколько, въ другіе, стоящіе рядомъ, — ни одного.

Безъ дома-прудачника, совершенно обрушившіяся подъ ударами гранаты. Крыша придавила стропила, и рухнувшая балка обрушила все внутреннее устроеніе. Люди, еще чуть не вѣтра застывшие, сегодня осознали себя быками. Я видѣлъ одного старика-богача, который ни за что не хотѣлъ уходить отъ своего разваливаемаго домишка и упорно ковался въ грудѣ мусора и обломковъ, выисывая какія-то жалкіе обломки вещей. Сосѣди горько попрекали старика:

— Стыдно тебѣ такъ убиваться. Ты — одинъ, проживешь такъ-нибудь. Каково тѣмъ, которые цѣлой семьей остались имъ съ чѣмъ!

Дѣйствительно есть семьи, у которыхъ въ огнѣ погибли и домъ, и все имущество. Въ той же деревнѣ, гдѣ жилъ богачъ, семья изъ семи человекъ лишилась крова, зато, сбереженій, всего своего достоянія и осталась только въ той одеждѣ, въ которой всѣ бѣжали въ лѣсъ, укрываясь отъ боя. Но эти люди обнаруживали необычайную бодрость, не пали духомъ и строили палаты новой жизни.

— Поиду служить въ войскъ, — говорилъ отецъ, — жена тоже найдется куда-нибудь, и старшая дочь, а младшей расую по добрымъ людямъ.

Впрочемъ такая твердость — исключеніе. Громадное большинство тѣхъ, кто оставался въ деревняхъ въ дни боя, сиротавшихъ въ погребкахъ или укрывшихся въ ближайшемъ лѣсу, совершенно потрясено пережитымъ. Видно, что ихъ вервы разстроены до послѣдней степени. Многие говорятъ про себя, что теперь они рѣшительно не могутъ спать: имъ все слышится грозный грохотъ артиллеріи. Мы встрѣтили одну женщину, которая непрерывно дрожала вслѣдъ тѣломъ, словно охваченная пламью св. Ватты. Весь день боя она просидѣла подъ каменной оградой фабрики. Во многихъ мѣстахъ стѣны были разрушены сараями, кругомъ слышался киричикъ; гранаты задрывали каменную кладку и являлись летѣльщиками разрывались въ поле... Вышея такую пятку, женщина почти потеряла рассудокъ. Дрожая, она повторяетъ теперь одно слово: *судьба, судьба, и это —*

все описаніе боя, которое она можетъ дать.

Трагическія сцены разыгрываются среди возвращающихся бѣженцевъ. Нѣкоторые на мѣстѣ своего дома, къ которому они такъ привыкли, находятъ груды развалинъ. Одни рыдаютъ, другіе въ недоумѣніи глядятъ на то, что еще недавно было ихъ жильемъ, старательно убраннымъ по вкусу хозяевъ... За то сколько бываетъ радости, когда вернувшись находятъ свой домъ нетронутымъ! Самый фактъ, что стоятъ его стѣны, радуетъ ихъ какъ драгоценный находка. Но нѣкоторые строения сохранились дѣйствительно цѣлыми, какъ если бы бой и не бушевалъ вокругъ нихъ. Войдя внутрь, видны все на своихъ мѣстахъ: даже картины и фотографии остались висѣть на стѣнахъ и не разблѣса доула на этажеркахъ! Въ другихъ домахъ только дощички отъ стропилена, стекла, да расколотыя нѣсколько тарелокъ.

Война не пощадила и храмовъ. Путь Писечной ояня костель не только разгромленъ, но и оскверненъ нѣмцами, которые вообще не считаются съ религиозными чувствами населенія. Еще додумавшись, что въ самомъ костелѣ нѣмцамъ было устроено лазаретъ: объ этомъ свидѣлствуютъ оставшіеся кровати. Но чувство негодованія возбуждается все-таки то, что пилная часть храма была отведена подъ кухню. Предметы богослуженія похолоды, священныя изображения наггерено попорчены, у статуи Мадонны отбита голова и т. д. Газсказываютъ и о костелахъ, въ которыхъ нѣмцами были устроены копошны.

Красивый высокій костель подъ Прушковомъ имѣетъ сейчасъ трагическій видъ. Вышній обликъ здания сохранился; по-прежнему онъ возноситъ къ небу илы двухъ готическихъ башенъ. Но кирпичная обанцова стѣна въ мѣстахъ мѣстахъ обвалилась. Осталась одна желѣзная рѣшетка и балки, на которыхъ стѣны и крыша были утверждены. Если смотреть сбоку, то видишь какъ бы свелеть собора. Солнечные лучи свободно проходятъ чрезъ рѣшетку его остова. И кажется, что это — тѣло, обглоданное хищными птицами.

Всѣхъ разрушеній, которымъ пришлось видѣть въ деревняхъ и въ поляхъ, не перечислить. Вогъ, медница-вѣтринка, подрѣзанная у самаго основанія. Она повалилась, какъ стояла, и лежитъ на землѣ, точно огромный игрушка, опрокинутая ребенкомъ. Такъ и хочется взять ее двумя пальцами и поставить въ мѣсто... Вотъ фабричная труба, произведенная сараями, такъ что можно смотреть въ круглое отверстіе какъ въ позорную трубу... Дѣйствіе тяжелыхъ гранатъ и шрапнелей ужасно. Они дробятъ кирпичную кладку; разбиваютъ крыши поодиножкамъ; пробиваютъ насквозь чугунныя

ворота; нагромождаютъ томаты ламки, какъ задръ котлами — мясо. Гранаты сокрушаютъ деревянные строения, какъ дубовеніе — картонный домикъ, и громятъ каменные, какъ сильный ударъ палки разломаетъ бѣзъ игрушечную избу изъ дощечекъ.

Города пострадали сравнительно меньше. Въ Писечной есть одна полустрофанная улица. Въ Прушковѣ разрушены строения близости стропилена. Мѣстныя газеты насчитываютъ въ другихъ городахъ гдѣ 50, гдѣ 70, гдѣ 100 поврежденныхъ и сожженныхъ домовъ. Но въ общемъ города Варшавскаго уцѣла могутъ теперь же возобновить обычную жизнь. Необходимъ только немедленный поворотъ съѣстныхъ припасовъ, такъ какъ нѣмцы забрали все, что можно есть и пить. Ни въ одномъ городѣ имъ не могли достать ни кусочка колбасы, ни бутылки содовой воды; нѣтъ соли, сахару, ситара, папиросъ, табаку, свичекъ и т. п. Въ одной мелочной лавчкѣ, въ которую я зашелъ, весь товаръ состоялъ изъ дожныхъ конфетъ, корзинки вывѣзъ наложеннаго картофеля и нѣсколькихъ бутылочекъ уксуса, очевидно, не понадобившагося нѣмцамъ. Разгромлены также магазинныя бѣлки. Увѣряютъ (самъ я этого не видѣлъ), будто нѣмцы для ускоренія «покупокъ» не давали себѣ труда входить въ магазинъ чрезъ двери, а разбивали оконныя стекла и брели вени прямо съ выставкой.

Страшныхъ разказовъ о собитіяхъ грозныхъ дней такъ много, что всѣхъ не перескажешь. Въ одномъ мѣстечкѣ былъ лазаретъ, гдѣ лежало много раненныхъ пруссаковъ. При приближеніи нѣмецкихъ войскъ они съ угрозами набросались на русскіе сестры милосердія, самоотверженно ухаживавшихъ за ними, и стали требовать оружіе, желая присоединиться къ своимъ. Только вступленіе въ мѣстечко казаковъ спасло сестеръ отъ расправы со стороны ихъ пѣшецовъ. Другое мѣстечко нѣмцы, отступая, подожгли съ четырехъ колошекъ, чтобы прервать путь преслѣдующимъ ихъ пруссакамъ. Впрочемъ и здѣсь помощь поспѣла вовремя, и пожаръ былъ потушенъ. Запомнился мнѣ еще разказъ объ одномъ мальчикѣ-еврѣ. Нѣмцы потребовали отъ него, чтобы онъ указалъ ихъ безопасную дорогу для отступленія, на которой нѣтъ русскихъ. Мальчикъ, напряженно, сознательно повелъ нѣмцевъ на свои позншія. Нѣмцы были частью потреблены, частью взяты въ плѣнъ, но успѣли въ послѣднюю минуту зарубить маленькаго патриота-еврея.

Въ настоящее время и деревни, и города заселяются вновь. Возвращаются администрація, возвращаются бѣлѣшіе жители. Я увѣренъ, что черезъ какую-нибудь недѣлю прежній ходъ жизни возобновится. Крестьяне расчищаютъ

поля, что можно, съ опустошенныхъ полей, разрытые разбѣжавшущая скотину, починать поврежденные дома, а болѣе счастливые пріютятъ потерившихъ рейной крошь. Общее настроеніе обмѣняется и сейчасъ во всѣхъ мѣстна готовность покоръ сосѣду и односельчаннику. Въ городахъ открываются магазины, чиновники пойдутъ на службу, дѣти вернутся въ школы. Велика и тяжела будетъ нужда многихъ, но привычныя формы жизни возростаютъ выль временнымъ потрясеніемъ. Давній навылъ заставитъ во что бы то ни стало возстановить прежнее. Люди такъ свыклись съ опредѣленнымъ укладомъ жизни, что много не могутъ содъ представить; и наперекоръ воему будутъ стараться вості прежнеею жизнью или хотя бы дѣлать видъ, что ведутъ ее. И незамѣтно сотрутся слѣды страшныхъ дней, и все опять войдетъ въ свою глубокую, вѣками протеренную колею.

То, что сейчасъ въ маленькомъ видѣ можно наблюдать вокругъ Варшавы, въ большемъ масштабѣ совершается во всей Европѣ. Навыки законной жизни продолжаютъ временно беззакононы войны. Населеніе городовъ и деревень разбѣгается при грохотѣ орудій, подъ дождемъ шрапнелей; но, едва являясь тому возможность, сбѣгаютъ вернуться въ насаженыя гдѣбы и вновь начать привычный трудъ, привычное дѣло. Похоже на то, что ударъ молнии разбиваетъ какой-то огромный шаръ на тысячу осколковъ, но тотчасъ же миллионы рукъ протыкаются въ эти осколки, подымаютъ ихъ и снова сплываютъ въ одно цѣлое... Война, дѣлаясь нѣсколько мѣсяцевъ, не въ силахъ сокрушить то, что строилось цѣлыми столѣтіями. Въ борьбѣ хаоса войны съ культурнымъ строемъ жизни культура выводитъ побѣдительно.

Валерій Брюсовъ.

Варшава, 13-го октября.

Р. С. Послѣднее мѣстѣ недавнихъ битвъ стало теперь для жителей Варшавы любимымъ отдыхомъ. Въ воскресенье цѣлыми толпами горожанъ заполняютъ поля подъ Писечной, Блоньми, Прушковомъ и др., осматривали наши и нѣмецкія позншія, лазны по окопамъ, собирали оставшіяся «реликвіи». Предпримчивые люди тутъ же бойко торговали нѣмецкими газетками, ранами, обломками шрапнелей, горстками патроновъ. Администрация желѣзнодорожниковъ даже принуждена была приостановить пассажирское движеніе изъ-за чрезмѣрнаго наплыва любителей.

В. В.